

Н. Мамышев

Злосчастный

Истинное происшествие

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Проезжая через Украину в Херсон, остановился я для ночлега в местечке С *** у одного зажиточного купца. Хозяина на ту пору не случилось дома; солнце еще не закатилось; погода была хотя осенняя, но сухая и не слишком холодная; окрестности показались мне прекрасными; заняться было нечем, и я пошел бродить вокруг селения. "Какие живописные места! -- говорил я, вышед на ровной луг.- - Счастливые здешние жители! Всякий ли час вы благодарите бога за то, что живете в объятиях прелестной природы, щедро наделяющей вас дарами своими? Завидую участи вашей, если только привычка видеть всегда одинакие предметы не ослабила чувствительности вашей. Кто жил всегда в шумной столице, тот в восторге сердца готов целовать землю, на которой вы обитаете".

Долго смотрел я на величественную картину природы, прислонившись к сухой высокой иве на берегу ручья, ископавшего в вешнее полноводье глубокую крутоберегую ложбину. Влеве, за обширным лугом, чернелся древний бор; передо мною, на гладком косогоре, было просторное сельское кладбище, обнесенное ветхою деревянного оградой и заросшее мелким березником, сквозь который инде мелькали кресты и белелись надгробные камни. Тихая река, опушенная молодым ракитником, обтекала его. С правой стороны видна неизмеримая степь, чрез которую лежит прямая и широкая дорога, обсаженная по сторонам полуоблетевшими ивами и осинником, изредка краснеющим. Холмики, разбросанные по степи, и деревни, принадлежащие помещикам, с обширными садами и рощами, а за ними темная заднепровская гора, подобная густому облаку, висящему на краю горизонта, ограничивали мое зрение.

В задумчивости смотрел я то на заходящее солнце и бегущие серые облака, то на пустынную степь и поля, с которых весь хлеб был уже собран, то на многочисленные стада птиц, с томным криком отлетавшие в теплые полуденные страны, то на светлый ручеек, который, извиваясь по равнине между кустами диких вишен, падал в глубокий ров тонкими струями и рассыпал в виде прозрачного бисера мелкие капли свои по гладкой поверхности водоема; слушал нежное воркованье голубей, уединенно сидевших на старой часовне; внимал тихому шуму вечернего ветра -- и погрузился в сладкое забвенье.

Вдруг послышался мне печальный голос. Я оборотился. Человек которого платье не показывало ничего похожего на бедность, а волосы покрыты были сединою, проходил близ меня. Бледное, иссохшее лицо томные и впалые глаза обнаруживали душевную горесть его. Держа на руках болонскую собачку, дрожавшую от осеннего ветра, он шел тихо и озираясь часто назад, выпускал тяжкие вздохи. Бедный страдалец приметив меня, остановился и с горькою улыбкою сказал:

-- И ты тоскуешь, добрый человек!.. И ты бродишь один!.. Я теперь был у нее... видел ли ты, как горько я плакал?.. Я простил ее -- и она простила меня... Да покоится прах ее с миром!..

Я заметил, что губы его посинели и все мускулы в лице трепетали. Посмотрев в ту сторону, где было кладбище, он опять взглянул на меня, и жалобным голосом произнес:

-- Здесь, под тенью двух высоких тополей, она покоится; а прекрасная душа ее летает там, выше солнца и луны, в обители праведных... Скоро ли, скоро ли увижусь с нею?..

Несчастный зарыдал и скорыми шагами пошел к селению. С искренним состраданием в душе я смотрел вслед за ним до тех пор, пока он скрылся из виду. Мое сердце вступилось за несчастного. "Он лишился любезнейшего предмета,-- думал я,-- тоска жестокая, подобная тяжкому бременю, тяготит его; чувство ненаградимой потери расстроило его рассудок. Ах! Сколько есть горестей, от которых никакая философия исцелить не может!" Печальное воображение живо представило мне все бедствия, каким только слабый человек бывает подвержен. Не довольно того, что страдаем от скорбей физических, повреждающих наше здоровье и подавляющих душевные способности; не довольно того, что терпим гонение от злобы и зависти, мучимся от страстей необузданных, падаем под игом нищеты и презрения, даже и среди шумного веселия сердце ноет и терзается! Ах! Часто опыт уверял меня в сей жестокой истине; часто друзья и незнакомые слышали печальные мои вздохи, невольно из груди вырывавшиеся,